

DOI 10.5862/JHSS.215.15
УДК 94(47).084.5

С.Б. Ульянова, Н.В. Офицерова

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОГО ГОРОДА В 1920-е ГОДЫ

УЛЬЯНОВА Светлана Борисовна – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: sbulyan@yandex.ru

ОФИЦЕРОВА Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого.

Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29
e-mail: oficernv@mail.ru

Статья посвящена изучению предпосылок формирования городских досуговых практик в 1920-е гг. с позиций «новой культурной истории». Спецификой складывавшейся советской городской культуры было сочетание традиционных и постреволюционных элементов. На культуру рабочего досуга оказали влияние фоновые крестьянские практики, связанные с наплывом в города «новых рабочих», а также навязывавшиеся сверху официальные нормы и ценности. Новый, социалистический городской досуг окончательно сложился к середине 1930-х гг.

НОВАЯ КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ; ИСТОРИЯ ДОСУГА; ГОРОДСКИЕ РАБОЧИЕ; ФОНОВЫЕ ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ.

Современная историческая наука стремится к постоянному расширению «исследовательских полей», к использованию новых методологических подходов. Большим эвристическим потенциалом обладают, в частности, «новая политическая история», изучающая политическое в различных сферах человеческой деятельности, и «новая культурная история», составной частью которой является история досуга [1, с. 27, 29]. Исследование досуга (*leisure*), включающего в себя не только развлечения (*recreation, pastime*), но и разнообразные занятия в свободное от производительного труда время, важно для понимания специфики городских сообществ, в том числе в контексте социально-политической истории. В XX в. наша страна пережила не только глобальные политические изменения. Произошел качественный скачок во всех сферах общественной жизни – от экономики до сферы частной жизни, что отразилось и на культуре досуга. На ее формирование оказали влияние как дореволюционные досу-

говые практики городского населения, так и привнесенные извне крестьянские обычаи и традиции, а также насаждавшиеся сверху формы новой, социалистической культуры.

Особенно интересным в этом контексте представляется изучение фоновых (термин М. Фуко) досуговых практик, под которыми понимаются повторяющиеся действия людей, утратившие прагматический смысл под влиянием внешних обстоятельств [28]. Данные действия в обыденном сознании, как правило, не подлежат рефлексии и носят ритуализированный характер. Предполагается, что индивид выполняет подобные практики постольку, поскольку он принадлежит к определенной культуре и является носителем какой-либо идентичности. Можно говорить о фоновых практиках в контексте культурной инерции, когда люди воспроизводят уже потерявшие прежнюю актуальность повседневные практики предшествующих поколений, мотивируя это традицией, сложившимся обычаем [13, с. 57].

Общеввропейским революционным феноменом стала массовая миграция сельского населения в города, изменившая как облик городов, так и «лицо» горожанина [3]. Массовая культура XX в. — спорт, танцы, музыка, кинематограф и пр. — была городской культурой. Она манила к себе жителей села и меняла их представления о себе, о пространстве, о времени и т. д. Рождение массового досуга связано с изменениями в сфере индустриального труда в конце XIX — начале XX в. (сокращение продолжительности рабочего дня, введение оплачиваемых отпусков), развитием системы общего образования, появлением индустрии развлечений [9, с. 390—392]. Проблема заключалась в том, что, получив досуг, рабочие (самая многочисленная категория городского населения) не знали, как его использовать. На рубеже XIX—XX вв. в город переносились деревенские обычаи (кулачные бои, посиделки дома и в гостях, карточные игры, чайные и пр.), тем более что большая часть российских рабочих были рабочими в первом поколении, сохранявшими тесную связь с крестьянской средой. Собственно индустриальные досуговые практики стали складываться в нашей стране уже в советское время и испытали сильное воздействие государства с его патерналистской политикой и ужесточением политического контроля за повседневной жизнью населения.

Специфика складывавшейся рабочей досуговой культуры в России была обусловлена своеобразным слиянием традиционной городской культуры с новыми постреволюционными веяниями. Так, по наблюдениям этнографов, после 1917 г. в России начала формироваться современная праздничная культура, которая «смысла» некоторые пласты православной и дохристианской культуры. Советские праздники, городские по происхождению, были уже идеологическими и политическими [5, с. 43].

Особенностью 1920-х гг. стало совмещение пролетарских дореволюционных досуговых практик с крестьянскими, привнесенными «новыми рабочими» из деревни, а также с новыми практиками, «насаждаемыми» сверху. В борьбе между реальным и идеальным, крестьянским и пролетарским, дореволюционным и советским рождалась новая культура досуга.

Тесная связь рабочего с фабрикой, в том числе и в нерабочее время, формирование от-

носительно замкнутых соседско-дружеских сообществ оказывали определяющее влияние на сферу досуга. В свободное время рабочие ходили друг к другу в гости, читали газеты (практика, усиленно навязывавшаяся советской властью) и книги (в основном развлекательного свойства), посещали (как правило, с товарищами по работе) чайные и пивные, ходили в кино и дешевые театры (билеты, как правило, получали на предприятии) и пр. Большинство потребностей рабочих, таким образом, удовлетворяла «фабрика-община».

«Новые рабочие», приток которых на фабрики и заводы стал весьма заметным в середине 1920-х гг., в сущности оставались крестьянами по своим привычкам и жизненным ориентирам. По данным агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома ВКП(б), около 80 % «новых рабочих» и были крестьянами (или детьми крестьян) по социальному происхождению [26, л. 7]. Они привносили в городское пространство крестьянские фоновые практики, вступая в определенный конфликт с властью, которая стремилась навязать им политическую и общественную активность.

К «репликам» крестьянского досуга в городской среде можно отнести многочисленные самопроизвольные собрания — «посиделки», «кутежи» и пьянство, молодежное хулиганство, карточные игры (нередко на деньги), пение и танцы под гармошку и т. п., не только сложно поддававшиеся политическому контролю, но и создававшие определенный дискомфорт для окружающих.

Уже в 1922—1923 гг. пьянство как форма девиантного поведения была отмечена в информационных сводках по многим предприятиям. Для власти пьянство представляло собой проблему, которая вела к снижению производительности труда, мелким хищениям, росту производственного травматизма и т. п. [20, л. 18, 23, 47]. Пили рабочие, как правило, в праздники, а также в дни аванса и получки. «Спрыск», «магарыч», «замочка машин» представляли собой устоявшиеся с конца XIX в. традиции, от которых «старые» рабочие не желали отказываться, а «новые» охотно подхватывали. Вот как описывает это газета Вышневолоцкого уезда ВКП(б) «Наш край»: «Помощник машиниста на Вышневолоцкой мануфактуре Иван Самарин всю получку пропил. Домой явился „пьяный в лос-

кут”, голый, распевая нецензурные похабные песни, напугав всех в слободе. ...Рабочий Лагаш спился совсем и украл последние ведра у жены...» [14].

В официальном дискурсе пьянство рассматривалось как наследие старого режима. В эту же категорию попадало, например, и исполнение религиозных обрядов. И то, и другое подлежало общественному осуждению и искоренению. Так, например, рабочий ленинградской верфи им. Дзержинского Бойцов получил выговор и дополнительную партийную нагрузку за то, что его жена (в его отсутствие. – *Авт.*) окрестила их ребенка [17, л. 1].

Главного союзника в борьбе с религиозным досугом власть нашла в лице комсомольцев. Антирелигиозная деятельность стала новой формой проведения свободного времени молодыми рабочими. Они организовывали «красные крестины» и «красные свадьбы», принимали участие в антирелигиозных кампаниях (например, в кампании по изъятию церковных ценностей) и работе общества «Безбожник», разыгрывали показательные суды над религией. Для молодежи во всем этом были элементы зрелищности и развлекательности, инсценировки, карнавала и коллективной игры. Например, в 1923 г. в Петрозаводске во время проведения комсомольской Пасхи для развлечения молодежи применялись иллюминированные световые плакаты с антирелигиозными лозунгами, были поставлены инсценировки «Попы и комсомол», «Бог, отец и комсомол», прошло шествие по городу с пением «Интернационала» [15, л. 15–16 об]. Таким образом происходило насыщение досуга идеологическими функциями.

Зачастую антирелигиозные мероприятия носили агрессивный по отношению к верующим характер и могут рассматриваться как форма канализации молодежной агрессии. Это сближает их с другой формой досуга – хулиганством (разумеется, если антирелигиозный активизм поощрялся властью, то с хулиганством она решительно боролась). Хулиганство, особенно распространившееся в годы нэпа, стало частью фабричной молодежной субкультуры.

По мнению С.Е. Панина, помимо таких общих форм хулиганских проявлений, как ругань, дебоширство, приставание к женщинам-работницам, драки за фабричными воротами, на производстве появились свои специфичные

способы «похулиганить», к примеру порча имущества. Росту хулиганства как на производстве, так и вне его способствовало внушенное рабочим представление об их авангардной роли в строительстве социализма. На этой почве у рабочих развивалось так называемое «пролетарское чванство» – чувство вседозволенности и безнаказанности [16].

Трудно согласиться с утверждением Н.Б. Лебиной о том, что общественное мнение часто выступало на стороне хулиганов, объясняя их действия (например, набеги на клубы, погромы домов отдыха, кинотеатров, срыв киносеансов, приставание к девушкам и прохожим, отбирание денег у хорошо одетых нэпманов) «молодечеством» и издержками возраста («побалуется и повзрослеют»), а также тем, что они «имеют право» [12, с. 97–104]. Многочисленные жалобы на распоясавшихся хулиганов, звучавшие на рабочих собраниях, в наказах избирателей депутатам местных Советов, в сводках ГПУ о настроениях на фабриках и заводах, не оставляют сомнения в том, что молодежное хулиганство горожане терпели с трудом [См.: 19]. Так, рабочие пензенского трубочного завода жаловались: «Ведь это что такое, стало невозможно, нигде покоя тебе нет от этих хулиганов. Пойдешь на семейный вечер, в клуб или кино, а там все время только и слышишь, что кого-нибудь бьют или ругаются матом, кричат – „Зарежу!“, „Застрелю!“ ...Вместо отдыха получается наоборот, весь изнервничаешься, кое-как дождешься конца, а частенько и не дожидаясь, бежишь домой, давая зарок никогда не ходить ни в кино, ни в клуб» [4, с. 17].

С хулиганями боролись, организуя общественное осуждение (товарищеские суды, «живые газеты», карикатуры, плакаты и т. п.). В товарищеских судах Ленинградской губернии за хулиганство в 1924–1925 гг. было привлечено к ответственности 517 молодых рабочих (12 % всех рассмотренных дел) [24].

Размах хулиганства, смешение дореволюционных и постреволюционных представлений о сексуальных отношениях, неясная семейная политика власти, неумение организовать свой досуг, чувство пролетарской вседозволенности и отсутствие понятий о личной и гражданской свободе вызвали к жизни ужасающий прецедент «чубаровского дела», взволновавшего всю страну. Групповое изнасилование моло-

дыми рабочими приехавшей учиться в город деревенской девушки, произошедшее в Чубаровом переулке в Ленинграде осенью 1926 г., имело широкий общественный резонанс, в прессе появилась масса статей, обзоров, откликов читателей и даже стихов, осуждавших случившееся и требовавших сурового наказания для насильников [30, с. 112]. Семь насильников были жестоко наказаны – приговорены к смертной казни (хотя потерпевшая осталась жива). С этого времени хулиган в глазах государства становится преступником, заслуживающим суровой кары.

Новая власть активно взялась за борьбу с «пережитками прошлого». В крупных городах (Москве, Ленинграде, Ярославле) большую роль играли Дома просвещения, Дворцы молодежи и клубы, которые занялись свободным временем рабочего. В организации досуга хорошо заметен производственный принцип. Учреждения и предприятия вели культурно-просветительскую работу: проводили экскурсии по историческим достопримечательностям, образцовым фабрикам и др. (это сыграло положительную роль в подъеме общего культурного уровня рабочих, особенно «новых», приехавших из маленьких городков и деревень), организовывали встречи-лекции с учеными и известными людьми (писателями, путешественниками, актерами, певцами, спортсменами), коллективные походы в театры и кино и т. д.

Когда на предприятиях проводились соревнования между цехами, участками, отдельными рабочими, зачастую в качестве приза победители получали бесплатные билеты в театр или кино, подписку на газету и т. п., что способствовало одновременно и организации нового досуга, и усилению идеологической работы [21, с. 8].

Крупные предприятия регулярно устраивали для своих работников праздники, связанные с встречей Нового года, Первомаем, памятными днями революционных событий и др. Так, например, Балтийский завод в Ленинграде организовал в 1922 г. празднование Нового года для рабочих и их семей. Участники мероприятия для взрослых вносили по 10 млн рублей, детская елка устраивалась бесплатно после 1 января в два приема: для детей 5–8 и 8–12 лет (средства на елку выделялись культкомом и Севзапвоенпромом по просьбе профкома завода) [18, л. 40]. На заво-

дах практиковалась подписка на «музыкальные и зрительные номера» на различные праздники, которая собиралась более активно, чем подписка на золотые и хлебные займы, МОПР и другие добровольные общества, «недели смычки города и деревни» и т. п.

Рабочие активно участвовали в различных кружках, организованных профсоюзом, особенно если там можно было получить новые умения и навыки. Например, на Балтийском заводе большой популярностью пользовались кружок кройки и шитья, где платно учились 90 девочек (бесплатно – 25 пионерок и 15 дочерей рабочих), технические 3-годичные курсы, рассчитанные на 100 человек (48 из них – рабочие завода), гораздо меньшей популярностью – хоровой и театральный кружки, кружок друзей библиотеки [6, л. 126 об–132]. Большое значение для рабочих имело то, что они могли привести своих детей на завод, дать им возможность учиться, чем и пользовались профкомы и парткомы, энергично создавая на предприятиях технические школы и кружки, школы заводского обучения, а также пионерские отряды и комсомольские организации.

Принципы профсоюзной культурной работы были сформулированы уже в начале 1920-х гг.: «Наблюдается рост интереса рабочих масс к культуре и просвещению. Чтобы не отпустить эти массы в разные частные увеселительные заведения, профсоюз должен выдвинуть культурную работу на первый план!» [23, с. 12]. Основой культурно-просветительной работы был назван рабочий клуб, ставший постоянным объектом внимания вышестоящих профсоюзных органов. В журнале «Вестник профсоюзов» (1923) нам встретилась любопытная заметка, формулировавшая задачи рабочих клубов как одного из средств воздействия на рабочую массу: «Основой культурной деятельности должны стать кружки естествознания, политграмоты, истории рабочего движения. Остальные литературно-художественные кружки – добавление, приманка. Малосознательный рабочий ищет прежде всего развлечения, и всякий труженик ищет отдыха. Дайте им развлечения и отдых в клубе, но так разбавьте их полезными занятиями, чтобы потом втянуть их больше в эти занятия... Члены „веселеньких“ кружков должны постоянно перекачиваться в основной» [22, с. 77]. Профсоюзные лидеры не скрывали сво-

их целей — общая культура и политическое просвещение рабочих должны были развиваться в духе коммунистических идей. Учитывая, что к «веселеньким» относили кружки музыкальный, литературный, драматический, танцевальный, хоровой, спортивный и т. п., можно сделать вывод, что для профессионалистов общая культура изначально ставилась ниже политической. Через досуговые практики шло постепенное внедрение новой идеологии в рабочую массу.

Впрочем, жизнь оказывалась богаче умозрительных идеологических схем. Далеко не всегда рабочим клубам удавалось придерживаться «правильной» политико-идеологической линии. Приведем некоторую статистику по их деятельности в Северо-Западной области на примере Союза деревообделочников, крупнейшие отделения которого существовали в Петроградской, Псковской губерниях и Карельской трудовой коммуне. На февраль 1923 г. по области существовало 11 клубов, 9 из них — в Петроградской губернии, местонахождение — непосредственно при заводах; 10 клубов имели драматический и музыкальный кружки. Состав библиотек: в Петрограде — 2,5 млн томов, по области — 8,5 млн... Особенно популярны были кино и театральные постановки [25, с. 70–72]. В дальнейшем вопросы политграмоты на практике оставались не самым важным направлением в рабочих клубах. Рабочие упорно предпочитали общекультурные кружки и банальные развлечения [2, с. 181–198].

Организация досуга рабочего стала постоянной заботой партийных структур. В бюджетах свободного времени рабочих все больше и больше места стали занимать митинги и демонстрации, празднование годовщины Октябрьской революции и 1 Мая, многочисленные собрания с различной повесткой дня — от внешней политики до обсуждения проблем повседневной заводской жизни.

Взаимодействие и взаимовлияние в сфере досуга старого и нового, деревенского и городского, предписываемого и привычного в 1920-е гг. заметно не только в городских сообществах в целом, но и в индивидуальных жизнеописаниях. В качестве примера приведем воспоминания комсомольца А.И. Картуса, который вместе с матерью переехал в Ленинград в 1925 г. из маленького среднерусского городка. Здесь он встал на учет на биржу труда, отку-

да был направлен на обучение в ФЗУ на завод «Красный выборжец». В своих воспоминаниях А.И. Картус писал: «Биржа труда в Ленинграде вела большую культурно-массовую работу. Явка на Биржу (не менее раза в неделю) награждалась бесплатной экскурсией под руководством квалифицированных экскурсоводов... Я побывал на Дворцовой пл. (пл. Урицкого), пл. Искусств (Лассаля), пл. Исаакиевской и Декабристов; в Музее революции и Зимнем дворце, Петропавловской крепости и соборе, Алексеевском равелине и на других объектах... Биржа труда оказалась моим „первым университетом“ по истории Петербурга, который возбудил мой дальнейший интерес к ней» [7, с. 83]. Практиковались «целевые спектакли, билеты на которые покупались крупными предприятиями» [8, с. 80]. При этом все развлекательные мероприятия предварялись докладами завкома или партийной ячейки о текущих вопросах и задачах завода.

В Доме просвещения А.И. Картус ходил в естественно-научный кружок (был еще военно-морской), где участвовал в опытах над животными, ходил на экскурсию в лабораторию И.П. Павлова. Он стремился не упускать ни одного заметного события в городе (закладка трамвайных линий и памятников, сопровождавшаяся интересными выступлениями; концерты симфонических оркестров; спортивные и музыкальные встречи; встречи с известными путешественниками (например, с капитаном дальнего плавания Лухмановым); посещение театров и выезды на массовые гулянья в Стрельну, Петергоф, Павловск в Ленинградской губернии, подмосковные усадьбы и т. д.). Большую роль для молодого «фабзайца» играли официальные советские события: «На заводе „Красный выборжец“ раз или два в год проводились отчеты, иногда выборы депутатов в Ленсовет от завода. Для этого в новотрубном цехе с обеда прекращалась работа, убиралось нетяжелое оборудование, ставились скамьи, и цех наполнялся до отказа, молодежь стояла» [Там же. С. 77]. Воспоминания А.И. Картуса показывают типичного идеального «нового рабочего», посвящавшего свое свободное время самообразованию, политической и общественной активности, культурному досугу и в то же время сохранявшего некоторую приверженность традиции (вечерние «посиделки» в квартире и пр.).

Новые досуговые практики были связаны не только с особенностями советского политического режима, но и с новой индустрией массовых развлечений. Так, уже Первая мировая война дала мощный толчок развитию кинематографа. Вырос не только тираж, но и географический ареал газет. Впервые в истории радио, передававшее программы для миллионов, породило действительно массового слушателя. В России, согласно официальной статистике, число киноустановок выросло с 1510 (в 1914 г.) до 7331 (в 1928 г.) и приблизительно до 30 тыс. к 1940 г. Общее число посещений кинозалов также увеличилось: в 1914 г. их было 106 млн, а в 1940 г. — приблизительно 900 млн. Ежедневный тираж газет вырос с 3,3 млн (в 1913 г.) до 9,4 млн (в 1927 г.) и до 38,4 млн к 1940 г. [10]. В 1920–1930-х гг. массовая культура начала приобретать видимые очертания во многих странах одновременно, и Советский Союз не был исключением.

Несмотря на это, в целом досуг городских рабочих в 1920-х гг. не отличался большим разнообразием. По-настоящему новый, социалистический досуг будет предложен советским горожанам только во второй половине 1930-х гг. в рамках идеологической модели «жить стало лучше, жить стало веселее». Решающую роль в формировании новых фоновых досуговых практик сыграет государственная политика. Специальными местами проведения советского культурного досуга стали парки культуры и

отдыха (например, знаменитый Центральный парк культуры и отдыха им. М. Горького в Москве). Там посетителям предлагалась как стандартная ежедневная программа (кино, детские представления, театральные и концертные мероприятия, цирковые представления, спортивные состязания, обучение танцам, аттракционы), так и специальные мероприятия (массовые праздничные гулянья, выставки, карнавалы) [11]. Красиво оформленные территории парков и их насыщенные программы, нацеленные на повышение культурного уровня населения, воплощали в себе новую — социалистическую — реальность досуга, сложившуюся в течение 1920-х — первой половины 1930-х гг.

Идеальный пролетарский досуг, пропагандируемый сверху, нередко вступал в противоречие с реальными фоновыми досуговыми практиками. Таким образом, к истокам формирования советской городской культуры досуга можно отнести складывание гибридных досуговых практик, в которых причудливо сочетались официальные установки и традиционные элементы, идеальные образы и реальные обстоятельства. Данное сочетание было обусловлено взаимовлиянием фоновых пролетарских и крестьянских практик с постепенным усилением навязываемого официального дискурса советского городского досуга, ужесточением политического контроля в советском обществе, а также внедрением в повседневную жизнь научно-технических новаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Borsay P.** A History of Leisure. The British Experience since 1500. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2006. 306 p.
2. **Gorzka G.** Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiterklubs 1917–1929: ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin: Verlag Arno Spitz, 1989. 553 s.
3. **Jerram L.** Streetlife: the untold History of Europe's twentieth century. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. **Камардин И.Н.** Развитие хулиганства в рабочей среде в 20-е годы (на материалах Поволжья) // «Белые пятна» российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 7–23
5. **Власова И.В.** Судьбы русской народной культуры // Вестн. РГНФ. 2010. № 3. С. 36–46.
6. **Доклад** завкома Балтийского завода // Центр. гос. архив ист.-полит. док. Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.) Ф. 78. Оп. 1. Д. 115.
7. **Картус А.И.** Ленинград 1925–1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 1. С. 80–85.
8. **Картус А.И.** Ленинград 1925–1932 гг. Воспоминания // История Петербурга. 2006. № 2. С. 77–82.
9. **Кастель Р.** Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009. 574 с.
10. **Коткин С.** Новые времена: Советский Союз в межвоенном цивилизационном контексте // Мишель Фуко и Россия: сб. ст. СПб.; М.: Летний сад, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/12.php (дата обращения: 13.08.2013).

11. **Кухер К.** Парк Горького. Культура досуга в сталинскую эпоху. 1928–1941. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2012. 350 с.
12. **Лебина Н.Б., Чистиков А.Н.** Обыватель и реформы: картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 404 с.
13. **Лейбович О.Л., Шушкова Н.В., Кабацков А.Н.** Этническое и экономическое: этюд о фоновых практиках // Вестн. ПГИИК. 2012. № 13–14. С. 50–59.
14. **Наш край** (Орган Вышневолоцкого уездн. ком-та ВКП(б) и уездн. исполнит. ком-та). 1926. 1 октября.
15. **Отчет** о деятельности областного комитета РКСМ Автономной Карельской ССР за 1 марта 1923 – 1 марта 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. К-599. Оп. 1. Д. 202.
16. **Панин С.Е.** «Хозяин улиц городских». Хулиганство в Советской России в 1920-е годы // Вестн. Евразии. 2003. № 4. URL: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm#s36 (дата обращения: 09.12.2009).
17. **Протокол № 5** закрытого собрания Пленума коллектива ВКП(б) верфи им. Дзержинского от 10.11.1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 135. Оп. 1. Д. 26.
18. **Протокол № 2** заседания культурной комиссии от 22.12.1922 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 78. Оп. 1. Д. 35.
19. **Протокол** заседания Ленинградского губисполкома о борьбе с хулиганством от 29.03.1924 г. // Центр. гос. архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1552. Оп. 22. Д. 34. Л. 47; **Информационная** сводка по Ленинградской губернии. 15–22 ноября 1924 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5907. Л. 21; **Материалы** о выполнении наказов избирате-лей Ленинградским Советом XII созыва. Л., 1930. С. 50–71.
20. **Пьянство** на заводе «Айваз» (Выписка из рабочей сводки № 25 от 9 февраля 1922 г.) // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 4. Д. 4688. Л. 23, 47 и др.; **Выписка** из протокола заседания ячейки ВКП(б) завода им. МОПра // ЦГАИПД СПб. Ф. 378. Оп. 1. Д. 16.
21. **Самошин.** Некоторые итоги // Производств. совещание. 1928. № 8. С. 5–9.
22. **Селецкий П.** Рабочие клубы // Вестн. профсоюзов. 1923. № 1. С. 71–82.
23. **Сиротинин П.** Профсоюзы Северо-Западной области // Вестн. профсоюзов. 1922. № 1. С. 5–14.
24. **Смена** (Орган Ленингр. губерн. ком-та РЛКСМ). 1925. 17 декабря.
25. **Смирнов-Чубринский М.** Культурная работа у деревообделочников // Вестн. профсоюзов. 1923. № 2–3. С. 65–78.
26. **Стенограмма** совещания агитационно-пропагандистского отдела Ленинградского губкома ВКП(б) по вопросу о работе среди новых слоев рабочих от 10.09.1926 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 16. Оп. 1. Д. 209.
27. **Феномен** досуга в античном мире / под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Гуманит. акад., 2013. 464 с.
28. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 478 с.
29. **Ходнев А.С.** Новая культурная история и «новая история досуга» // Истор. наука сегодня: теория, методы, перспективы. М., 2012. С. 462–473.
30. **Чуйкина С.** «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы половой морали в советском обществе 1930–1980-х годов // В поисках сексуальности: сб. ст. / под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 99–127.

S.B. Ulyanova, N.V. Ofitserova

THE PREREQUISITES OF THE FORMATION OF THE LEISURE CULTURE OF THE SOVIET CITY IN THE 1920s

ULYANOVA Svetlana B. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: sbulyan@yandex.ru

OFITSEROVA Nataliya V. – *Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.*
Politekhnikeskaya ul., 29, St. Petersburg, 195251, Russia
e-mail: oficernv@mail.ru

The paper is devoted to prerequisites of the formation of the city leisure culture in the 1920s into the context of the new cultural history. The Soviet urban culture combined traditional and post-revolutionary elements. Peasant background practices of newcomers influenced the workers leisure as well as official Soviet norms and values. The socialist urban leisure finally formed in the mid-1930s.

NEW CULTURAL HISTORY; HISTORY OF LEISURE; CITY WORKERS; LEISURE BACKGROUND PRACTICES.

REFERENCES

1. Borsay P. A History of Leisure. The British Experience since 1500. New York, Palgrave MacMillan, 2006. 306 p.
2. Gorzka G. Arbeiterkultur in der Sowjetunion. Industriearbeiterklubs 1917–1929: ein Beitrag zur sowjetischen Kulturgeschichte. Berlin, Verlag Arno Spitz, 1989. 553 s.
3. Jerram L. Streetlife: the untold History of Europe's twentieth century. Oxford, Oxford Univ. Press, 2011. 352 p.
4. Kamardin I.N. [Development of hooliganism in a working environment in the 20th years (on materials of the Volga region)]. *"White spots" of the Russian and world history*, 2012, no. 1, pp. 7–23. (In Russ.)
5. Vlasova I.V. [Destinies of the Russian national culture]. *RGNF Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 36–46. (In Russ.)
6. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 78. Op. 1. D. 115. (In Russ.)
7. Kartus A.I. [Leningrad 1925–1932. Memoirs]. *History of St. Petersburg*, 2006, no. 1, pp. 80–85. (In Russ.)
8. Kartus A.I. [Leningrad 1925–1932. Memoirs]. *History of St. Petersburg*, 2006, no. 2, pp. 77–82. (In Russ.)
9. Kastel R. *Metamorfozy sotsial'nogo voprosa. Khronika nayemnogo truda* [Metamorphoses of a social problem. Chronicle of wage labor]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2009. 574 p. (In Russ.)
10. Kotkin S. [Modern times: The Soviet Union in an intermilitary civilization context]. *Michel Foucault i Rossiya* [Michel of Foucault and Russia]. St. Petersburg, Moscow, 2001. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/fuko_ross/12.php (accessed 13.08.2013).
11. Kukher K. *Park Gor'kogo. Kultura dosuga v stalin-skuyu epokhu. 1928–1941* [Culture of leisure during a Stalin era. 1928–1941]. Moscow, Russian political encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2012. 350 p. (In Russ.)
12. Leбина N.B., Chistikov A.N. *Obyvatel' i reformy: kartiny povsednevnoy zhizni gorozhan v gody nepa i khrushchevskogo desyatiletiya* [Obyvatel and reforms: Pictures of everyday life of citizens in days of the New Economic Policy and Khrushchev's decade]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2006. 404 p. (In Russ.)
13. Leybovich O.L., Shushkova N.V., Kabatskov A.N. [Etnichal and economic: the etude about background praticians]. *The PGIK Bulletin*, 2012, no. 13–14, pp. 50–59. (In Russ.)
14. Nash kray [Our edge (Body of Vyshnevolotsky district committee of All-Union Communist Party (bolsheviks) and district executive committee)]. 1926. Oct. 1. (In Russ.)
15. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. K-599. Op. 1. D. 202. (In Russ.)
16. Panin S.Ye. ["Owner of streets city". Hooliganism in the Soviet Russia in the 1920th years]. *The Bulletin of Eurasia*, 2003, no. 4. Available at: http://www.eavest.ru/magasin/artikelen/2003-4_pan.htm#s36 (accessed 09.12.2009).
17. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 135. Op. 1. D. 26. (In Russ.)
18. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 78. Op. 1. D. 35. (In Russ.)
19. Central state archive of St. Petersburg. F. R-1552. Op. 22. D. 34. L. 47. (In Russ.); Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 5. D. 5907. L. 21. (In Russ.); [Materials about performance of orders of voters by the Leningrad Council of the XII convocation]. Leningrad, 1930. Pp. 50–71. (In Russ.)
20. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 4. D. 4688. L. 23, 47, etc.; Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 378. Op. 1. D. 16. (In Russ.)
21. Samoshin. [Self-tires. Some results]. *Proizvodstvennoe soveshchanie* [Production meeting], 1928, no. 8, pp. 5–9. (In Russ.)
22. Seletskiy P. [Working clubs]. *Bulletin of labor unions*, 1923, no. 1, pp. 71–82. (In Russ.)
23. Sirotinin P. [Labor unions of Northwest area]. *Bulletin of labor unions*, 1922, no. 1, pp. 5–14. (In Russ.)
24. Smena [Change]. 1925. Dec. 17. (In Russ.)
25. Smirnov-Chubrin'skiy M. [Kultrabota at derevobdelochnik]. *Bulletin of labor unions*, 1923, no. 2–3, pp. 65–78. (In Russ.)
26. Central state archive of historical and political documents of St. Petersburg. F. 16. Op. 1. D. 209. (In Russ.)
27. *Fenomen dosuga v antichnom mire* [A leisure phenomenon in a classical antiquity]. St. Petersburg, Humanitarian academy Publ., 2013. 464 p. (In Russ.)
28. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Nadzirat and to punish. Birth of prison]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1999. 478 p. (In Russ.)

29. Khodnev A.S. [Modern cultural history and “a modern history of leisure”]. *Istoricheskaya nauka segodnya: teoriya, metody, perspektivy* [Historical science today: Theory, methods, prospects]. Moscow, 2012. Pp. 462–473. (In Russ.)

30. Chuykina S. [“Life is inseparable from policy”: Official and informal norms of sexual morals in the Soviet society of the 1930–1980th years]. *V poiskakh seksual'nosti* [In search of sexuality: the collection of articles]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2002. Pp. 99–127. (In Russ.)

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2015